

Даль Ким

**Семь смертных
миров. Книга
первая. Гордыня**

Даль КИМ

**Семь смертных миров.
Книга первая. Гордыня**

«Автор»

2026

Ким Д. Х.

Семь смертных миров. Книга первая. Гордыня / Д. Х. Ким —
«Автор», 2026

Гордыне, что возводит башни. Страху, что роет пропасти. И тем, кто
осмеливается сделать шаг между ними.

© Ким Д. Х., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Прощай, безумный мир	7
Глава 2. Выживание	10
Глава 3. Мир, в котором я живу	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Даль Ким

Семь смертных миров.

Книга первая. Гордыня

Пролог

Ли Сыхён не услышал щелчка, когда это случилось. Щелчок пришёл позже. Изнутри. Сухой, костный хруст где-то за грудиной – как будто лопнул стержень, на котором годами держалась вся конструкция его жизни. Образовавшуюся пустоту немедленно заполнило чем-то тяжёлым и окончательным.

Он бы не поверил, что душу можно гнуть, как пруток титана. Что её нельзя сломать – только пережать, пока она не онемееет. И тогда, в момент наивысшего напряжения, она выпрямится с такой силой, что мир вокруг даст трещину.

И в момент того щелчка, не слышимого никем, кроме него, миры, нанизанные на ось человеческого падения, вздрогнули. Семь сфер. Семь грехов. Для каждого – своя реальность, где порок возведён в абсолют и стал законом природы.

Попасть туда случайно нельзя. Нужен ключ. Ключом служит трещина. Та самая, что прошла по его душе в день, когда умер отец, оставив ему деревянный ларец и непробиваемую, отполированную до зеркального блеска пустоту.

Когда трещина становится бездной, раздаётся щелчок. И является Оно. Не Бог и не демон – Последний Шанс. Или Крайнее Искушение. В форме, которую измученный разум сможет принять. Для Ли Сыхёна, наследника империи «Группа Кымён», этим соблазном оказался Пульт.

Семь углублений холодного металла на чёрном бархате. Ни дисплея, ни пояснений. Семь кнопок, каждая из которых была не кнопкой, а условием контракта, предлагавшего не «исправление», а полную перезагрузку по правилам иного мира. Семь способов признать своё банкротство и начать игру заново – на этот раз по-настоящему.

Он не знал, что нажатие кнопки – это не прыжок между мирами. Это – диагноз. Согласие с вердиктом, который ты сам себе вынес, даже не зная о его существовании. Это момент, когда пережатая душа распрямляется, и её отзвук рвёт ткань реальности, открывая портал туда, где твой главный порок – не грех, а воздух, которым дышит всё вокруг.

Ли Сыхён нажал первую кнопку не из любопытства. Он нажал её с холодным высокомерием архитектора, которому наскучил собственный, слишком предсказуемый чертёж. Он хотел нового мира не для жизни – для завоевания. Чтобы доказать... чёрт, кому? Самому себе. Что он выше любой системы. Выше боли. Выше необходимости что-либо чувствовать.

Он и не подозревал, что миры за порталами – не пустые полигоны для его триумфа. Они живые. Цельные. У них свои правила, своя экосистема. И они голодны. У семи смертных миров свои планы на тех, кто осмеливается щёлкнуть пультом. Планы, всегда связанные с платой. А плата – всегда кусок той самой души, что издала щелчок.

Первый мир уже ждал его. Мир облачных шпилей и гниющей подошвы. Мир, где Гордыня вознесла одних так высоко, что они забыли вкус земли, и пригнула других так низко, что те забыли, как выглядит небо. И где-то между ними, в запретной зоне падения, лежал его Пульт – единственный билет назад и единственная причина идти вперёд.

Путешествие началось не с первого шага в новом мире. Оно началось в кабинете отца, в тишине, пахнущей дорогим деревом и смертью. С щелчка, который был слышен только ему. Согласием на собственную казнь.

Ему предстояло узнать, что проводники предадут. Что доверие здесь – разновидность падения. Что за каждую дверь придётся платить – либо своей кровью, либо кровью тех, кого, вопреки всем законам этого ада, научишься считать своими.

Добро пожаловать в первый круг. Добро пожаловать в Гордыню.

Глава 1. Прощай, безумный мир

Часть 1: Знакомство с главным героем

В тридцать два года Ли Сыхён не управлял империей. Он был её законченным, безупречным продуктом. Его кабинет на 58-м этаже дышал стерильным холодом: чёрный камень, стекло, тишина. Воздух был отфильтрован от случайностей.

Дверь открылась без стука. Вошла Соён, его тень в костюме.

– Ваш отец. Сейчас, – её голос был ровным, но в нём дрожала сдержанная срочность.

Сыхён не оторвался от окна. Дождь чертил на стекле карту завоёванного мира.

– В расписании на 18:00.

– Он не доживёт до 18:00.

Пауза.

– Внесение корректировки в данные.

– Доктор даёт час.

Сыхён медленно обернулся. Его взгляд, пустой, как лифтовая шахта, скользнул по ней. Она выдержала. Впервые за пять лет.

– Она боится не меня. Боится его последних слов, – сказал он, уже двигаясь к выходу.

– Отмените всё, – приказал он. – На полчаса.

Часть 2: Смерть отца

В пентхаусе пахло не смертью. Пахло дорогими химикатами, перемалывающими агонию в тихий, медицинский процесс. Ли Чжун, человек-скала, превратился в хрупкий каркас под простыней.

– Явился на списание актива, – голос был сухим шелестом, но в нём держался каркас.

Сыхён не сел. Сидеть – значило признать равенство с умирающим.

– Вы сказали, срочно.

– Для меня – да. – Глаза старика, мутные, впились в сына.

– Ты построил идеальную стену. Непробиваемую. И пустую.

Удар пришёлся не в чувства. В логику. Сыхён почувствовал, как сжимаются челюсти.

– Эмоции ведут к ошибкам.

– Ошибки – это шрамы. Доказательство, что жил. Твой путь безупречен. Как скальпель.

И так же пуст.

Ли Чжун продолжил:

– Рука, синяя от катетеров, вынырнула из-под одеяла. В ней – маленький ларец из чёрного, шершавого дерева. Настоящее наследство. От деда. Пальцы сжали руку сына с последней силой. Для того, кто достигнет всего. И останется пустым. Кто захочет начать игру заново.

Сыхён спросил:

– Что внутри?

– Не знаю. Боялся. Мне было что терять. Взгляд упёрся в Сыхёна. А тебе... в твоей ледяной башне уже нечего. Или ты так думаешь?

Через десять минут монитор запел ровную ноту. Ли Чжун стал статьёй расходов.

Сыхён стоял, сжимая ларец. Внутри не было горя. Была ярость. Ему бросили вызов, который нельзя было купить. «Слабаки, – подумал он. – Я заставлю это открыться».

Часть 3: Богатое наследие

Похороны были образцом эффективности. Коротко, дорого, без сантиментов. Сигнал рынку: преемственность. К вечеру акции «Группы Кымён» выросли на полтора процента.

В пустом пентхаусе Сыхён поставил ларец на стол из чёрного нефрита. Чужеродное тело в стерильном мире. Он попытался открыть его. Пальцы – не поддавался. Лезвие ножа – скользило, не царапая. Встряхнул: внутри что-то металлическое глухо перекаатилось.

Раздражение, знакомое по больничной палате, вернулось. Концентрированное. Ему, чья воля была законом, не подчинялся кусок дерева?

Он швырнул ларец об стену. Тот отскочил, не разбившись. Просто лежал на полу. Немой, непокорный укор.

Часть 4: Пустота внутри

Ночь. Тишина в пентхаусе стала звенящей. Сыхён стоял у окна. Его город-микросхема сиял внизу. Он достиг здесь всего.

И тогда пустота, о которой говорил отец, накрыла его не как метафора, а как диагноз. Физический вакуум в груди. Лёгкость, готовая схлопнуться в чёрную дыру. Он оглядел свой безупречный склеп и увидел итог: он был узником в золотой клетке. Богом, которому наскучил собственный, безупречно спроектированный рай.

Отвращение было острым, чистым. Он не хотел заполнять пустоту. Он хотел сжечь её, как топливо. Взорвать этот предсказуемый мир. Ларец был единственной аномалией. Единственной закрытой дверью. Он должен был её открыть. Не из любопытства. Из презрения к слабости тех, кто боялся это сделать.

Часть 5: Явное проявление гордыни

Он взял ларец. Не поднял – взял, как берут подчинённого за горло, чтобы приставить к стене. Не пытался вскрыть. Попытки были для слабых. Для тех, кто признаёт превосходство материала над собой.

Он поставил его перед собой на стол. И стал ждать. Не ларец – себя. Пока внутри не соберётся та критическая масса ярости, что была его истинной валютой, его топливом, его единственной верной эмоцией. Ярости не на дерево. На собственную минуту слабости у окна, на этот вакуум в груди, что посмел себя обнаружить.

Воздух в комнате не дрогнул. Но изменилось давление – внутреннее. Он смотрел на ларец, и взгляд его был не требованием, а инвентаризацией. Он перечислял в уме всё, что сломал, купил, подчинил: компании, судьбы, целые рынки. Этот чёрный ящик был последним пунктом в списке. Последним непокорённым пикселем в его идеальной картинке.

– Ты мой, – произнёс он тихо, без интонации. Констатация факта. Он не просил. Не требовал в голос. Он просто удалил саму возможность иного исхода из уравнения реальности. Его пальцы легли на крышку не для нажатия. Для печати. Для штампа «ИСПОЛНЕНО».

Тихий, чёткий щелчок раздался не из ларца. У него в висках. И лишь потом – отзвуком – из чёрного дерева. Как будто сдался не механизм, а сама пространственная логика этого места, не выдержав соседства с такой концентрацией негибимой, абсолютной воли.

Защёлки разомкнулись с сухим, почти негромким вздохом – звуком капитуляции.

Часть 6: Таинственное появление Пульта

Внутри, на бархате цвета запёкшейся крови, лежал Пульт.

Не предмет его мира. Слишком тяжёлый. Слишком правильный. Матовый чёрный металл, холодный и влажный на ощупь, будто речная галька. Ни кнопок, ни дисплеев. Семь слепых углублений, расположенных как ковш Большой Медведицы.

Сыхён взял его. Холод пронзил ладонь до кости.

В ту же секунду в пентхаусе погас свет. Полная, абсолютная тьма. Исчез город за окном.

Но Пульт засветился. Внутренним, фосфоресцирующим сиянием, как у глубоководных тварей. В первом углублении проступил символ – абстрактный, похожий на корону и сломанную колонну. Гордыня. Знание впилося в мозг вместе с тяжестью артефакта.

Сердце, закованное в лёд, забилося. Не страх. Азарт. Это было доказательство. Другие миры существовали. И у него был ключ. Он был богом с пальцем на кнопке творения.

Часть 7: Прощай, безумный мир

Палец сам потянулся к углублению. Металл под кожей стал ледяным, обжигающим. Он нажал.

Щелчка не было. Был разрыв. Воздух перед окном заколебался, загустел и превратился в молочную, непрозрачную пелену. Запах озона сменился ароматом чужого – сладковатой пыльцы, влажного камня и разреженного ветра с вершин, которых не было на его картах.

Белая мгла. Портал. Дверь.

Сыхён шагнул вперёд. Не раздумывая. С высокомерием завоевателя, идущего присвоить новую вселенную.

Белое поглотило его. И в самый центр этого падения Пульт вырвался из ослабевших пальцев, став вдруг невыносимо тяжёлым. Он улетел вниз, растворяясь в нарастающем гуле.

Сознание вернулось ледяным воздухом, режущим горло. Он лежал на пористом камне. Над ним – не небо, а светящаяся пелена. Весь мир был гигантской спиралевидной раковиной. Башни парили в пустоте. А внизу, в непроглядной тьме, клубилось и гудело Отребье.

Именно туда, в самую гущу тьмы, упал его Пульт.

Сыхён поднялся. Его дорогой костюм был тряпкой. Его власть – фантомом. Его гордыня, придавленная шоком, выпрямилась с новой, яростной силой. Как посмели?

На другом конце уступа, в тени, шевельнулся силуэт. Хан наблюдал с самого начала. Видел падение артефакта. Видел ярость на лице чужака.

Когда Сыхён, спотыкаясь, начал искать путь вниз, Хан бесшумно отделился от камня и пошёл следом.

Дверь закрылась. Игра началась.

Глава 2. Выживание

Часть 1: Где я?

Векторная физика его вселенной – деньги, власть, статус – рассыпалась при первом же вдохе. Воздух не был пустым. Он был веществом. Холодным, острым, как лезвие, и упругим, будто на горло давила невидимая рука. Сыхён лежал на грубом, пористом камне, и каждая кость в его теле ноющей тяжестью протестовала против нового закона тяготения. Здесь оно работало не как равномерное поле, а как капризный тиран: прижимало к земле, но оставляло парящие в вышине каменные шпильки невесомыми.

Он заставил себя подняться. Мир, открывшийся ему, был безумием геолога-сюрреалиста. Гигантская спиралевидная полость, чьи своды терялись в молочном свечении, исходящем сверху – не от солнца, а от самой пелены неба-потолка. Башни, целые кварталы из светлого камня, висели в пустоте, соединенные тончайшими ажурными мостками. Оттуда, с высоты, доносились звуки – не речь, а чистые, высокие переливы, похожие на пение стеклянных колокольчиков. Смех, звонкий и беззаботный.

А снизу, из непроглядной тьмы под его уступом, поднимался ответ. Гул. Низкий, настойчивый, механический. Не голос, а работа пищеварительного тракта планеты. И запах – сладковато-горький, как гниющие фрукты, смешанные с озоном.

Его мозг, отточенный для анализа рынков, лихорадочно пытался построить модель. Вертикальная иерархия. Чистота и свет – наверху. Грязь и шум – внизу. Он оказался где-то посередине, на утилитарной каменной полке, с которой вели вниз грубо вырубленные ступени.

Инстинкт, переписанный годами в совете директоров, кричал: «Вершина – это контроль. Иди наверх». Но другой, более древний и трезвый, парировал: «Ты в чужой стране без языка и карты. Наверх ведут хлипкие мостки для тех, кто умеет по ним ходить. Вниз ведут ступени. Внизу – реальность, ресурсы, понимание правил».

Именно в этот момент аналитического ступора он почувствовал Взгляд. Не метафорически. Физическое ощущение – легкий холодок между лопаток, будто кончик иглы изо льда. Взгляд был изучающим, лишенным тепла или простого любопытства. Он скользил по спине, оценивая силуэт, качество непривычной ткани, потенциал выживаемости.

Сыхён не обернулся. В его мире демонстрация внимания к угрозе была слабостью. Он медленно, с показной небрежностью, сделал вид, что осматривает скалу за спиной. Никого. Только тени в расщелинах. Но ощущение не исчезло. Оно сместилось. Теперь казалось, что наблюдают сверху, с невидимого уступа. Потом – снизу, из-за края платформы.

Охотник. Он был уверен. Здесь был охотник. И он, в своем бесполезном костюме и с пустыми руками, – идеальная дичь.

Гордыня, придавленная шоком перехода, подняла голову, разжигаемая новой яростью. Как посмели? Как посмели смотреть на него, Ли Сыхёна, как на мишень? Хорошо. Значит, здесь есть правила. Есть те, кто устанавливает порядок. И он его выучит. Первый урок: перестать быть мишенью.

Он снял пиджак – тяжелый, пропитанный потом и чужой пылью кашемир. Скомкал и резко швырнул в самую глубокую тень, создав ложное движение. Затем, движением быстрым, низким и неловким – его тело отказывалось слушаться, – рванул к ступеням, ведущим вниз.

Взгляд, коловший его спину, не отстал. Он следовал за ним, невидимый, неумолимый и терпеливый. Первый урок мира Гордыни был усвоен: здесь ты либо наверху, либо внизу. А

пока ты посередине, не принадлежишь ни тем, ни другим – за тобой всегда кто-то наблюдает. И оценивает твою стоимость.

Его первые шаги по скользким ступеням вниз были шагами не исследователя, а загнанного зверя, инстинктивно бегущего от хищника в надежде найти еще более темную нору. И где-то в глубине, под слоем ярости и страха, зияла первая, крошечная трещина в граните его самоуверенности: здесь его прошлые победы не стоили ничего. Здесь он был никем.

Часть 2: Принцип Вертикали

Чем ниже он спускался, тем явственнее мир обретал свои черты – грубые, утилитарные, лишённые иллюзий. Воздух густел, наполняясь запахом дыма, человеческого пота, глени и какой-то острой минеральной пыли. Звуки с вершин сменились иными: скрип кожи о камень, шуршание, короткие, гортанные выкрики, больше похожие на кашель, чем на речь. Свет, падавший сверху, становился тусклее, рассеянее, его заменяло тусклое мерцание факелов и призрачное сияние мха на стенах.

Пещера расширилась, превратившись в гигантский естественный зал. Это была не площадь, а внутренность улья. Люди – если их можно было так назвать – жили прямо здесь, в нишах, на уступах, в грубых шатрах из шкур и обломков ткани. Одни молча копошились у жалких очагов, другие слонялись с пустыми взглядами, третьи торговали, выкрикивая цены на непонятные товары: связки костяных крючьев, мешочки с лишайником, мутную жидкость в черных пузырях.

Сыхён замер в тени у входа, наблюдая. Его аналитический ум, наконец получивший данные, начал строить модель.

Архитектура: Поселение повторяло структуру мира. Самые светлые, сухие и безопасные ниши у сводов занимали те, кто выглядел крепче, чья одежда была менее рваной. Чем ниже и ближе к темным проходам, ведущим, судя по запаху, вглубь, тем больше было сторбленных, обожженных жизнью фигур, темников и отчаяния.

Экономика: Торговали не деньгами. Обменивали. Еду на инструмент. Инструмент на ткань. Информацию (шепот, быстрый обмен взглядами) – на всё. Валюта здесь была сиюминутной и конкретной.

Власть: Её символизировали не титулы, а физическая сила, количество последователей и контроль над ресурсом – будь то источник менее грязной воды или вход в более безопасный туннель. Он видел, как трое коренастых мужчин с дубинками из толстой кости «собирали дань» с торговца грибами. Тот отдавал молча, с опущенной головой.

Принцип Вертикали. Он управлял всем. Не просто социальным статусом – самой физиологией места. Подниматься вверх стремились все, но путь туда был закрыт для тех, кто родился внизу. А падение вниз было неизбежным, стоило лишь потерять силу, здоровье, волю.

Он думал о своем Пульте, улетевшем в самую тьму, в самый низ этой вертикали. Чтобы добраться до него, ему нужно было не просто спуститься. Ему нужно было понять это падение, научиться в нем двигаться, возможно – возглавить его. Стать силой в этом хаосе, чтобы не быть раздавленным им.

Его размышления прервало движение на периферии зрения. Снова оно. Чувство наблюдения. Но теперь не сзади, а сверху и слева. Он медленно поднял взгляд.

На уступе, в тени арочного проема, стояла фигура в темном плаще с капюшоном. Неподвижная. Слитая с камнем. Расстояние было слишком велико, чтобы разглядеть лицо, но Сыхён знал – это тот самый охотник. И сейчас он не просто следил. Он оценивал, как дичь ведет себя в новой среде. Делает первые выводы.

Их взгляды встретились через ползала. Всего на долю секунды. Никакой угрозы, никакого вызова. Только холодное, безразличное фиксирование. «Отмечено», – сказал этот взгляд. «Ты теперь часть уравнения».

Затем фигура развернулась и бесшумно растворилась в темноте прохода, оставив Сыхёна наедине с гудящим ульем и страшной ясностью. Он не просто выживал. Он был помещен в лабораторию. И лаборант только что сделал первую запись в журнале наблюдений.

Часть 3: Сталкер

Ощущение было точным, как прицел. Не зуд под кожей, а ледяная точка между лопаток. Кто-то вымерял расстояние до позвоночника.

Сыхён не обернулся. Демонстрация внимания была слабостью и воротами корпоративного лифта, и на скользком камне пещерного зала. Он сделал вид, что изучает торговца сушёными лишайниками, и медленно, с показной небрежностью, двинулся вдоль стены вглубь лабиринта.

Взгляд последовал за ним. Он отставал на три шага, смещался выше, к сводам, потом прикинул к земле, к тени под ногами. Это была не слежка. Это была калибровка.

Сыхён свернул в узкий боковой тоннель, слабо освещённый светящимся мхом. Здесь пахло только сыростью и плесенью. Он прижался к холодной стене в углублении, похожем на нишу, затаил дыхание. Ярость, крутившаяся в нём с момента падения, сконцентрировалась в острое, холодное лезвие внимания. Врага нужно знать. Нужно выманить.

Тишина. Только капли воды где-то вдалеке. Он уже начал думать, что потерял его, когда услышал звук. Не шаг. Мягкий, скользящий шорох, будто кожа протерла камень в двух метрах от него. Преследователь не пошёл по пятам. Он предугадал манёвр и перехватил.

Сыхён рванулся вперёд, вглубь тоннеля. Сзади раздался быстрый, лёгкий топот – охотник сбросил маскировку.

Тоннель вывел в небольшой грот. Посередине – грубо сколоченный деревянный стол, разобранные ловушки, глиняные миски. Чьё-то заброшенное рабочее место. Два выхода: узкая щель с запахом воды и сквозняком, и широкий проход к гулу жилья.

Расчёт был прост. Ниша за столом, груда палок. Удар по печени, если попробует подойти. Или в пах. Здесь не до благородства.

Он шагнул в нишу, слившись с тенью, сжимая в руке обломок известняка, подобранный с пола.

Фигура в капюшоне появилась в том же тоннеле, замерла на входе. Её движения были плавными, экономными, лишёнными суеверий. Охотник, уверенный, что дичь загнана в тупик. Он медленно повернул голову, осматривая выходы. Его взгляд скользнул по нише, задержался на тёмном пятне – на Сыхёне.

В этот миг Сыхён бросил камень. Не в фигуру. Он швырнул его через весь грот, в кучу пустых мисок в дальнем углу.

Звон разбитой глины грохнул, как выстрел.

Инстинкт должен был дернуть на звук. Но фигура не дернулась. Лишь повернула голову, оценивая. На долю секунды отвлеклась.

Этого хватило.

Сыхён выскочил из укрытия не в сторону щели, а прямо на охотника. Не для красивого удара – для хаоса. Его плечо со всей силы толкнуло фигуру на стол. Раздался сдавленный выдох, стук, звон костяных крючьев, рассыпавшихся по полу.

Сыхён не стал смотреть. Он нырнул в узкую щель, ведущую к шуму воды. Холодный, влажный ветер ударил в лицо. За спиной он услышал не крик, а низкое, хриплое ругательство,

полное такой концентрированной, ледяной злобы, что стало ясно – это не уличный бандит. Это профессионал, и он только что совершил ошибку, недооценив добычу.

Щель вывела на узкий карниз над подземной рекой. Чёрная вода с рёвом неслась в темноту вниз. Пути вперёд не было.

Сзади, из щели, послышался звук шагов. Медленных, уверенных. Охотник пришёл в себя.

Сердце Сыхёна колотилось не от страха, а от адреналина. Он огляделся в панике. И увидел – в стене, в нескольких шагах, почти невидимую трещину, прикрытую свисающими, склизкими корнями.

Он рванулся к ней, раздвинул холодные плети и протиснулся внутрь. Пространство было таким узким, что камни царапали плечи. Он прополз несколько метров и очутился в крошечной, влажной камере, где мог только сидеть, прижавшись коленями к подбородку.

Он сидел в полной темноте, слушая. Шаги на карнизе затихли. Потом – звук осторожного ощупывания стены. Пауза. И затем – тихий, сухой звук, похожий на смешок. Безрадостный. Понимающий.

Потом шаги удалились. Охотник ушёл.

Но Сыхён знал, что это ненадолго. Он не убежал. Он отступил, чтобы перегруппироваться. И теперь знал о своей добыче больше: она не беззащитна. Она может кусаться. А значит, охотиться на неё нужно будет с другой тщательностью.

Сидя в каменном мешке, в кромешной тьме, Сыхён впервые с момента падения почувствовал не просто вызов, а настоящую, расчётливую угрозу. Здесь был враг. Враг, который видел в нём не просто чужака, а цель. И этот враг теперь знал его лицо.

Он оставался в укрытии долго, пока дрожь в руках не утихла. Когда он выполз обратно на карниз, там никого не было. Только рёв воды и вечный мрак.

Теперь у него была новая цель, помимо поиска пути вниз. Выяснить, кто этот сталкер. И нейтрализовать его, прежде чем тот нейтрализует его. В мире, где царила гордыня, первым признаком падения было позволить кому-то поставить себя на колени.

Часть 4: Первое знакомство в новом мире

Побег от сталкера оставил в Сыхёне не страх, а ясный, холодный вывод. В одиночку он здесь – добыча. Хищник уже знает его в лицо и не отступит. Чтобы выжить и двигаться дальше, ему нужны были глаза, смотрящие в другую сторону, и знание правил, которых он не понимал. Ему нужен был проводник. Не тот случайный старик, а тот, о ком тот бормотал со страхом. Тот, кто знает дороги вниз.

Он вернулся в основной пещерный зал, но теперь не как потерянный наблюдатель, а как охотник за информацией. Он пристроился в тени у входа, где торговля была оживленнее, и начал искать. Он искал не просто сильного. Он искал того, кто не сломлен. Того, чья воля не растворилась в серой покорности этих стен.

Его взгляд выхватил сцену у одного из чадающих факелов. Трое грубых, крупных мужчин, привычнонахальные, окружили кого-то меньшего ростом. Слышался злой смех и требования. Очередной сбор «дани». Сыхён уже хотел отвернуться – это было частью фона, – когда жертва дёрнулась.

Это была девушка. Её лицо скрывал капюшон, но по силуэту и резким, отчаянным движениям это было ясно. Она не отдавала свою котомку, а прижимала её к груди, пятясь. Один грубо схватил её за руку. И она дёрнулась – не со страхом, а с яростной, животной силой. В свете факела блеснул короткий клинок. Не удар – движение лезвием по воздуху, создавая барьер. Вся её поза, сжатая пружиной, кричала: «Подойдешь – получишь. И будет больно».

Мужчины заколебались. Они привыкли к покорности. Агрессия, пусть и отчаянная, была не по их сценарию. Обменявшись взглядами и не найдя в них готовности получить порез ради жалкой добычи, они, буркнув что-то невнятное и плюнув, разошлись.

Девушка медленно опустила клинок, судорожно глотая воздух. Она быстро сунула его в складки одежды, поправила котомку и, озираясь быстрыми, привычно оценивающими взглядами, направилась к одному из тёмных выходов из зала. Её путь лежал мимо угла, где стоял Сыхён.

Он вышел из тени, блокируя ей дорогу не полностью, но достаточно, чтобы вынудить остановиться. Она замерла. Взгляд из-под капюшона, мелькнувший на него, был острым и настороженным, как у загнанного, но не сдавшегося зверька. В нём читалась усталость, грязь, но не покорность.

– Ты знаешь дороги, – не вопрос, а констатация.

– Уйди, – голос низкий, хриплый от напряжения, но чёткий. – Нет для тебя ничего. Ни еды, ни воды.

– Не нужно твоё. Нужно знать. Ты можешь быть проводником.

Слово сработало как ключ, поворотный замок в её сознании. Она вздрогнула почти незаметно, и её глаза сузились, становясь ещё более недоверчивыми.

– Ты не отсюда, – прошептала она, и в её тоне была не догадка, а уверенность, граничащая с раздражением. – Падаль с верхов. Ты привлекаешь внимание, как факел в этой тьме. Уйди, пока тебя не прикончили ради твоей странной кожи или просто чтобы не оставлять свидетелей.

– Меня уже нашли, – холодно парировал Сыхён. – Кто-то в капюшоне. Высокий. Знаешь его?

Лицо девушки под капюшоном стало каменным. Весь её вид изменился – из загнанного зверька она в миг превратилась в настороженного стражника, оценивающего новую, куда более серьёзную угрозу. Она резко шагнула ближе, запах пепла и сушёных трав от неё ударил Сыхёну в нос.

– Ты видел его? Говорил с ним? – её вопросы были быстрыми, шипящими.

– Он преследовал меня. Как охотник за дичью.

Она выдохнула, и в её глазах мелькнуло нечто похожее на мрачное понимание. – Хан. Это он. Он охотится на падаль с верхов. Собирает... сведения. Или трофеи. Если он нашёл тебя, у тебя нет времени стоять здесь и светиться.

– Тогда отведи меня. Вниз.

Она рассмеялась коротко и горько, звук был похож на сухой кашель. – Вниз? Просто так? Проводники не водят просто так. Это не прогулка. И мы не водим тех, кого уже пометили. Это верная смерть. Для меня.

– У меня есть что предложить, – сказал Сыхён. В его голосе зазвучала та самая непоколебимая, привычная к повелениям уверенность.

Девушка смерила его долгим, оценивающим взглядом. Она видела его всё ещё слишком чистые руки, непривычно прямую осанку, безумие решимости в его глазах, которое он сам принимал за силу.

– Что? Твою красивую рубашку? Здесь её обменяют на полчашки грязной воды. Твои манеры? Они тебя убьют быстрее яда. У тебя нет ничего, что имело бы настоящую ценность в Глубине.

– У меня есть это, – сказал Сыхён и, не моргнув глазом, произнёс спасительную ложь. – Знание. О том, откуда я пришёл. О мире за пределами вашего каменного неба. Хану, я думаю, такое знание было бы интересно. Или тем, кто может заплатить за него больше, чем он.

Это была игра ва-банк. Он поставил на её страх перед Ханом и на ту алчность, которая должна была гнездиться в каждом, кто выживает в этом мире торговли и силы. Молчание зата-

нулось. Она боролась с собой, это было видно по напряжению в её челюсти, по тому, как её пальцы сжимали край плаща.

– Говорить об этом здесь – смерть, – наконец выдавила она, приняв решение. – Идём. Быстро. Тихо. И если ты солгал, если за твоими словами пустота, я сама брошу тебя в чёрный поток. Мне моя шкура дороже.

Не дожидаясь ответа, она резко развернулась и юркнула в узкий, неприметный проход, который Сыхён раньше принял за простую трещину в скале. Он последовал за ней, в очередную неизвестность, но теперь с тенью возможного союзника впереди и тенью смертельного врага где-то сзади.

Часть 5: Уроки выживания

Обучение было пыткой, очищающей плоть от иллюзий. Подъёмы по отвесным трещинам учили не ловкости, а жестокой экономии силы. «Здесь нет запаса, – говорила Лира, её голос сухой от концентрации. – Каждое движение – плата. Учись платить меньше, чем у тебя есть».

Днём – чтение мира. По дрожащему пламени костра она учила его различать оттенки в гуле: вот ровный гул работы, вот тревожная тишина перед налётом, вот звук, означающий, что тропу «закрыли». Вечера они проводили над её кожей, расшифровывая карту, выцарапанную острым камнем.

Однажды вечером, когда Сыхён уже начал чувствовать узор троп на собственных костях, Лира отложила заострённый обломок.

– Ты учишься не умирать сразу. – В её взгляде не было похвалы, только усталая оценка инструмента. – Теперь второе условие. Настоящая причина. Ты сказал – «ключ». Что это?

Сыхён откинулся. Он готовил этот разговор.

– Устройство. Металл, с ладонь. Оно... отзывалось на желание. Привело меня сюда. Но его вырвала сила этого места и швырнула вниз. Без него я застряну здесь навсегда.

Он смотрел на неё, проверяя. Лира не рассмеялась. Её лицо стало каменным.

– Осколок с верхов, – прошептала она, и в голосе был холодный ужас узнавания. – Часть той болезни, что оторвала их от земли. Ты хочешь спуститься в самую гниль, чтобы вытащить ещё одну порцию этого бреда?

– Единственная дорога, что у меня осталась. Хан, я уверен, учуял его. Он охотится не на меня. На него.

– Хуже, – мрачно сказала Лира, её пальцы сжали край карты. – Если он понял, что ты за ним идёшь... он попытается приручить. А такой человек с сердцем той заразы в руках... Он станет раком, который съест и низ, и верх, и все щели между.

Она говорила не как о теории. Как о диагнозе.

– Откуда ты знаешь, что он сделает именно так? – спросил Сыхён.

Лира замолчала. Её взгляд упёрся в тень на стене.

– Здесь, – сказала она тихо, проводя пальцем по одному из старых значков – крошечному, схематичному дереву. – Мои родители нашли обвал. Просто камень решил, что их время вышло. Мне было двенадцать.

Пауза была не для драмы. Для сбора слов, к которым не прикасалась годами.

– Я пошла искать. Не нашла их. Нашла это. – Её палец указал на карту в целом. – Нацарапанное на стене в боковом тоннеле. Старыми знаками. Я скопировала. Старейшины сказали – раз карта выбрала меня, я теперь проводник. Хранить пути. Решать, кто их достоин. – Губы её искривились. – Брать плату.

– А Хан? – мягко надавил Сыхён.

Имя сработало как щелчок. Вся её сдержанность испарилась, сменившись плоской, ядовитой ненавистью.

– Хан не нашёл карту. Он нашёл проводника. Моего учителя. Старика Тэсока. Прикинулся раненым. Тэсок водил его, лечил. А Хан всё запоминал. Высматривал слабые места. А когда узнал всё, что мог... исчез. Через несколько дней свод на маршруте Тэсока обвалился. Слишком вовремя.

В пещере стало тихо. Треск огня звучал оглушительно.

– И после этого он стал тенью, – закончила она. – Тенью, которая знает слишком много. Продаёт чужаков вниз, а секреты низов – наверх. Он как ржавчина. И теперь... – она посмотрела прямо на Сыхёна, – теперь он знает о тебе. Значит, знает, что ты со мной. Моя тропа для него теперь в приоритете. Он захочет либо пройти по ней, либо продать, либо... убрать меня, как убрал Тэсока.

Сыхён понял. Их союз стал чем-то большим, чем сделка. Они теперь были сообщниками в глазах общего врага.

– Значит, нам нужно двигаться быстрее, чем он ожидает, – сказал Сыхён. – И найти ту самую «настоящую причину» для спуска. У меня она есть. Я потерял внизу ключ. Ко всему. Без него я навсегда застряну здесь. И если Хан узнает, что это за ключ... он сделает всё, чтобы заполучить его первым.

Лира долго смотрела на него. Пламя отражалось в её глазах, делая их похожими на два маленьких горящих уголька. Она измеряла не его слова, а что-то за ними. Готовность? Безумие?

– Тогда завтра, – сказала она, и в её голосе впервые прозвучала не усталость, а холодная, стальная решимость, от которой по спине Сыхёна пробежал лёгкий холод. – Завтра ты расскажешь мне всё. Каждый символ. Каждый звук, который он издавал. Потому что если этот «ключ» – оружие, я должна знать, в чью голову оно может выстрелить. Даже если это моя.

Она погасила светильник, погрузив пещеру в крошечную тьму. Её последние слова прозвучали уже из темноты, тихо и неумолимо:

– А теперь спи. Последний раз на почти безопасном камне.

Снаружи, в тени за поворотом тоннеля, Хан медленно оторвал ухо от камня. Он слышал не всё, но достаточно. «Ключ», «оружие», «выстрелить». Его тонкие губы растянулись в едва уловимой, беззвучной улыбке. Игра только что стала многомерной. Он прикрыл лицо капюшоном и бесшумно растворился, как тень, которую и не было.

Часть 6: История Лир

Обучение было пыткой. Утром – мучительные подъёмы по отвесным трещинам. «Внизу не будет уступов, – говорила Лира, её голос сухой от напряжения. – Твои мышцы должны помнить дорогу, пока голова кричит».

Днём – уроки чуждого общества. Она учила его читать по дрожащему пламени костра: вот группа добытчиков, вот банда, а вот знак, что тропу «закрыли» и лучше не соваться. Вечера они проводили над её кожаной картой, расшифровывая язык штрихов и значков, выцарапанных острым камнем.

Однажды вечером, когда Сыхён уже почти физически чувствовал узор троп на своей коже, Лира отложила заострённый камень.

– Хорошо. Ты учишься не умирать сразу. – Она посмотрела на него, и в её взгляде была не похвала, а усталая оценка инструмента. – Теперь второе условие. Настоящая причина. Ты сказал – «ключ». Что это?

Сыхён откинулся. Он готовился к этому.

– Устройство. Из металла, с ладонь. Оно... отвечало на желание. Привело меня сюда. Но его вырвала сила этого места и швырнула вниз. Без него я застыну здесь.

Он смотрел на неё, проверяя. Лира не смеялась. Её лицо стало маской из камня.

– Осколок с верхов, – прошептала она. В голосе был холодный ужас узнавания. – Часть той заразы, что оторвала их от земли. Ты хочешь спуститься в самое нутро гниения, чтобы вытащить ещё одну порцию этого каменного бреда? Это путь самоубийцы.

– Единственная дорога, что у меня осталась, – отрезал Сыхён. – Хан, я уверен, учуял его запах. Он охотится не на меня. Он охотится на него.

– Хуже, – мрачно сказала Лира, её пальцы сжали край карты. – Если он понял, что ты за ним идешь... он попробует приручить. А такой человек с сердцем той болезни в руках... он станет язвой, которая съест и низ, и верх, и все щели между.

Она говорила не как о теории. Как о диагнозе, который уже видели симптомы.

– Откуда ты знаешь, что он сделает именно так? – спросил Сыхён.

Лира замолчала. Её взгляд упёрся в тень на стене пещеры. Она потянулась к своей кожаной карте, но не для того, чтобы показать маршрут. Она провела пальцем по одному из старых, почти стёршихся значков – крошечному схематичному дереву.

– Здесь, – сказала она тихо, – мои родители нашли обвал. Просто камень решил, что их время вышло. Мне было двенадцать.

Она сделала паузу, не для драмы, а чтобы собрать слова, к которым не прикасалась годами.

– Я пошла искать. Не нашла их. Нашла это. – Её палец указал на карту в целом. – Нацарапанное на стене в боковом тоннеле. Не так, как рисуют сейчас. Старыми знаками. Я скопировала. Старейшины сказали – раз карта выбрала меня, я теперь проводник. Что я должна хранить пути и решать, кто их достоин. – Губы её искривились. – Брать плату.

– А Хан? – мягко надавил Сыхён.

Имя сработало как щелчок. Вся её сдержанность исчезла, сменившись плоской, ядовитой ненавистью.

– Хан не нашёл карту. Он нашёл проводника. Моего учителя. Старика Тэсока. – Она говорила отрывисто, будто выплёвывая слова. – Прикинулся раненым. Тэсок водил его, лечил. А Хан всё запоминал. Высматривал слабые места. А когда узнал всё, что мог... исчез. Через несколько дней свод на маршруте Тэсока обвалился. Слишком вовремя.

В пещере стало тихо. Треск огня звучал оглушительно громко.

– И после этого он стал тенью, – закончила она. – Тенью, которая знает слишком много. Продаёт чужаков вниз, а секреты низов – вверх. Он как ржавчина. И теперь... – она посмотрела прямо на Сыхёна, – теперь он знает о тебе. Значит, знает, что ты со мной. Моя тропа для него теперь в приоритете. Он захочет либо пройти по ней, либо продать, либо... убрать меня, как убрал Тэсока.

Сыхён понял. Их союз стал чем-то большим, чем сделка. Они теперь были сообщниками в глазах общего врага. И этот враг уже убивал.

– Значит, нам нужно двигаться быстрее, чем он ожидает, – сказал Сыхён. – И найти ту самую «настоящую причину» для спуска. У меня она есть. Я потерял внизу ключ. Ко всему. Без него я навсегда застряну здесь. И если Хан узнает, что это за ключ... он сделает всё, чтобы заполнить его первым.

Лира долго смотрела на него. Пламя отражалось в её глазах, делая их похожими на два маленьких горящих уголька. Она измеряла не его слова, а что-то за ними. Готовность? Безумие?

– Тогда завтра, – сказала она, и в её голосе впервые прозвучала не усталость, а холодная, стальная решимость, от которой по спине Сыхёна пробежал лёгкий холод. – Завтра ты расскажешь мне всё. Каждый символ. Каждый звук, который он издавал. Потому что если этот «ключ» – оружие, я должна знать, в чью голову оно может выстрелить. Даже если это моя.

Она погасила светильник, погрузив пещеру в крошечную тьму. Её последние слова прозвучали уже из темноты, тихо и неумолимо:

– А теперь спи. Последний раз на почти безопасном камне.

Снаружи, в тени за поворотом тоннеля, Хан медленно оторвал ухо от камня. Он слышал не всё, но достаточно. «Ключ», «оружие», «выстрелить». Его тонкие губы растянулись в едва уловимой, беззвучной улыбке. Игра только что стала многомерной. Он прикрыл лицо капюшоном и бесшумно растворился, как тень, которую и не было.

Часть 7: Цена надежды

Рассвет в пещерах был условным – лишь смена стражей у вентиляционных шахт. Сыхён проснулся от лёгкого толчка в бок. Лира уже стояла на ногах, её лицо в тусклом свете свещающегося мха было непроницаемым, будто ночного разговора и не было. Но в напряжённой линии её плеч, в том, как она избегала смотреть ему прямо в глаза, читалась та же холодная решимость, что прозвучала в темноте.

– Вставай, – сказала она без предисловий, бросив ему свёрток из грубой ткани. Внутри лежала лепёшка, пахнувшая жжёным зерном и плесенью. – Ешь на ходу. Мы идём на рынок.

– За снаряжением? – уточнил Сыхён, с трудом разжёвывая твёрдый комок.

– За вниманием, – поправила Лира, туго перетягивая ремнём свой потрёпанный рюкзак. – Снаряжение придёт позже, как плата. Твоя задача сегодня – не говорить. Слушать. И выглядеть не потерянным щенком, а... инвестицией. Дорогой, рискованной и многообещающей.

Они вышли в лабиринт туннелей, ведущих к «Улью» – центральной каверне, где кипела жизнь нижних террас. Воздух здесь был гуще, насыщеннее – запахом пота, дыма жаровен и немых тел. Лира двигалась уверенно, но её взгляд постоянно скользил по теням, отмечая каждый капюшон, каждую приостановившуюся фигуру. Она вела его не через главные проходы, а по обходным тропам, мимо заваленных щебнем ниш и заросших грибницей расщелин.

Наконец они выбрались на узкий балкон, нависающий над гигантским подземным залом. Внизу, в чадающем свете факелов и тусклом сиянии мха, копошились сотни людей. Одни торговали, другие чинили инструменты, третьи просто сидели, уставившись в пустоту. Гул стоячих голосов, прерываемый резкими окриками, напоминал рой гигантских слепых насекомых.

– Смотри, – тихо сказала Лира, указывая подбородком вниз. – Видишь трёх у стены, под чёрным навесом из шкур? Не торгуют, не работают. Просто смотрят.

Сыхён присмотрелся. Мужчины сидели неподвижно, их лица были скрыты глубокими капюшонами, но от них исходила аура неестественного спокойствия, словно они были не частью хаоса, а его наблюдателями.

– Информационные маклеры, – прошептала Лира. – Они не продают вещи. Они продают слухи. Направления. Имена. Будущее. К ним и пойдём. Но сначала тебе нужно стать заметным.

Она достала из рюкзака тот самый лоскут ткани с его костюма – идеально ровный, тёмно-серый, с едва уловимым синтетическим блеском, немыслимым для этого мира. – Возьми. Будешь вертеть в пальцах, когда мы будем говорить. Не играйся – изучай. Как драгоценность. Как доказательство.

Спустившись в толпу, Лира проложила путь к маклерам. Самый крупный из них, с лицом, покрытым шрамами, похожими на трещины в глине, поднял на них пустой, чёрный взгляд.

– Лира. С чужаком, – его голос был хриплым, но каждое слово падало отчётливо. – Он несёт на себе тишину незнакомых пещер.

– Он пришёл из-за Пелены, Чон, – сказала Лира, опускаясь на корточки. Сыхён последовал её примеру, чувствуя, как десятки невидимых взглядов впиваются в его спину. – И он ищет путь в Глубину. Самый быстрый.

Чон медленно перевёл взгляд на Сыхён, потом на лоскут ткани в его пальцах. – «Глотка». Безумие. Его плоть ещё не знает, как гнить. Зачем?

– Он потерял там то, без чего не может вернуться. Туда, откуда пришёл, – Лира сделала паузу, давая словам осесть. – И дверь, через которую он пришёл... может открыться снова. Для тех, кто будет рядом в нужный момент.

Это была идеально рассчитанная ложь, смешанная с правдой. Она продавала не факт, а возможность. Призрак возвращения. Чон молчал долго, его пальцы перебирали костяной амулет на шее. Жадность в его глазах боролась с осторожностью.

– Совет Старейшин должен дать разрешение, – наконец выдохнул он. – Без их благословения любой путь в Глубину – самоубийство. Они объявят вас разрывом, и вас принесут в жертву, чтобы зашить дыру.

– Тогда устрой нам встречу, – без колебаний сказала Лира. – Наше знание... может быть интересно и им. Как интересен образец породы с неизвестного горизонта.

Чон кивнул, коротко и резко, уже мысленно подсчитывая свою долю. – Ждите здесь. Я отправлю слово.

Пока они ждали, прижавшись к прохладной стене, Сыхён почувствовал тот самый, леденящий затылок взгляд. Он медленно обернулся.

На другом конце зала, в нише, сидел Хан. Он не прятался. Он просто сидел и смотрел. Прямо на них. Но не на лица – сквозь них, будто изучая картину в целом. Затем он медленно, с почти незаметной иронией, поднёс палец к виску, будто отмечая мысленную пометку, и растворился в тени.

Их план сработал. Они бросили камень в воду. Теперь оставалось ждать, какие круги разойдутся, и не утонуть в них первыми.

Глава 3. Мир, в котором я живу

Часть 1: Рынок слухов

Рассвет в пещерах был условным – лишь смена активности: ночные стражи уступали место дневным добытчикам. Сыхён и Лира вышли из её логова не как ученик и учитель, а как партнеры по опасной авантюре. Но сегодня их задача была тоньше, чем выживание. Сегодня им предстояло продать нечто нематериальное. Надежду.

Они направились в сердце поселения – большую естественную каверну «Улей». Воздух здесь гудел не просто от голосов, а от низкого, ритмичного гудения – десятки людей намеренно издавали этот звук, стоя в кругах, ударяя камень о камень в странном синхронном темпе. Это был не труд. Это был ритуал. Молитва камню.

– Не смотри им в глаза во время гула, – тихо предупредила Лира. – Это считается вызовом духам пластов.

Сыхён кивнул, но внутри холодно возмутился. Примитивные суеверия. Шум вместо действий. Его гордыня, придавленная борьбой за выживание, впервые за дни подняла голову, оценивая этот мир не как угрозу, а как отсталую систему, которую можно обойти.

Их цель – у дальней стены. Не торговцы. Трое под навесом из почерневшей кожи. Перед ними на камне – не товары. Скрученные пучки волос. Обугленные кости со знаками. Сосуды с мутной жидкостью и бледными личинками. Информационные маклеры. Здесь информация была магией.

Один из них, коренастый мужчина с лицом, покрытым шрамами, напоминающими трещины в высохшей глине (Чон), заметил Лиру. Его глаза, маленькие и чёрные, как пустые скважины, скользнули по Сыхёну, задерживаясь на непривычной геометрии его плеч, на отсутствии дрожи в руках.

– Лира. С чужаком, – голос Чона был хриплым, но каждое слово падало чётко, как капля воды в тишине. – Он несёт на себе тишину нездешних пещер. Воздух вокруг него... не гнётся.

Лира опустила на корточки не как проситель, а как равная. Сыхён последовал её примеру, сохраняя отстранённость наблюдателя. Важно было не просить, а сделать предложение, которое невозможно отклонить.

– Он пришёл не снизу, Чон. И не с соседней террасы. Он пришёл из-за Пелены, – сказала Лира, делая паузу между словами, давая им просочиться в сознание.

Маленькие глазки Чона сузились. Воздух вокруг них, казалось, стал гуще. Даже гул Улья на мгновение отступил.

– Доказательство, – выдохнул маклер, и его рука непроизвольно потянулась к костяному амулету на шее.

Сыхён, следуя договорённости, вытащил лоскут. Но не протянул. Положил на камень между ними. Ровно. Как карту на стол. Ткань – идеально ровная, тёмно-серая, с едва уловимым синтетическим блеском. Немыслимо для мира шерсти, кожи и плесени.

Чон не сразу взял её. Он сначала трижды провел рукой над тканью, не касаясь, словно ощупывая невидимое поле. Потом, с почтительным трепетом, поднял лоскут. Потер между пальцами, поднёс к тусклому свету светящегося мха, даже понюхал.

– Материя... без памяти, – пробормотал он, и в его голосе был суеверный ужас. – Её не ткали руки. Её... выдохнули. Зачем он здесь? Что ищет?

– То, что потерял при падении, – ровно ответил Сыхён, впервые напрямую обращаясь к маклеру. – Моя вещь упала глубоко, в Низину. Мне нужен путь. Самый быстрый. И снаряжение для него.

– Глотку, – без колебаний заключил Чон, бросив взгляд на Лиру. – Безумие. Его душа ещё не покрылась коростой здешнего камня. Он сгорит в ней заживо. За что? За сказку?

– Не за сказку, – вмешалась Лира. Её голос стал тише, но твёрже. – За возможность. Он один сейчас. Но дверь, через которую он пришёл... может открыться снова. Мы продаём шанс. Шанс для тех, кто захочет уйти. От всей этой гнили.

Чон молчал долго. Его пальцы перебирали лоскут ткани. В его глазах шла борьба между страхом перед неведомым и жадностью. Жадность победила.

– Снаряжение для Глотки... Верёвки из жил глубинных ползунов, крючья из чёрного зуба, светильники на желчи слепых рыб. Это стоит. Очень. Твоя история... её нужно представить Совету. Без их разрешения любое движение в Глубину – самоубийство. Они объявят вас разрывом в ткани мира, и вас принесут в жертву, чтобы зашить дыру.

– Совет? – впервые насторожился Сыхён.

– Старейшины, – пояснила Лира, не отрываясь от Чона. – Они хранят равновесие. Решают, какое знание слишком опасно, чтобы его отпускать. Они... разговаривают с камнем.

– Значит, нам нужно их благословение, – заключил Сыхён, чувствуя, как внутри закипает раздражение. Ещё одни старики, цепляющиеся за власть. Я буду играть по их правилам. Пока не перестану.

– Или их интерес, – поправил Чон, и в его глазах вспыхнул знакомый Сыхёну огонь посредника. – Я могу устроить встречу. Но мой процент – от всего. От снаряжения. И от любых... будущих обязательств, которые могут возникнуть у тебя перед Старейшинами.

– Обязательств? – переспросил Сыхён.

– Они могут потребовать не только слов, – тёмно сказал Чон. – Кровь. Волос. Имя, вырезанное на особом камне. Чтобы часть тебя осталась здесь, даже если ты уйдёшь. Гарантия.

Это была ловушка с долгосрочными последствиями. Но ловушка, через которую нужно было пройти. Сыхён кивнул, его лицо не дрогнуло. Пусть думают, что владеют частью меня. Они владеют лишь тенью.

– Договорились.

Чон удовлетворённо крикнул и спрятал лоскут ткани за пазуху, как величайшую драгоценность.

– Ждите здесь. Я отправлю слово. – Он что-то шепнул одному из своих людей, и тот юркнул в толпу.

Лира обменялась с Сыхёном быстрым взглядом. Первая часть плана сработала. Они бросили камень в стоячую воду. Теперь оставалось ждать, какие тени придут на рябь.

И тени не заставили себя ждать. Пока они ждали, Сыхён почувствовал не взгляд, а отсутствие звука. Маленький островок тишины в гуле Улья. Он обернулся.

На другом конце зала, в нише, сидел Хан. Не прятался. Сидел, скрестив ноги, и смотрел. Прямо. Но не глазами – сквозь. Изучал не лица. Воздух вокруг. Колебания света. Искажения в гуле. Кварцевые глаза пусты. Не улыбка. Он просто отметил их вниманием. Как учёный – аномалию на графике. Затем медленно, не меняя выражения, поднёс палец к виску, будто внося мысленную пометку, и растворился в тени, будто его и не было.

Путь назад был отрезан. Теперь игра шла на три фронта: с маклерами, с мистическим Советом – и с холодным разумом, который уже начал свой эксперимент.

Часть 2: Совет Старейшин

Чон вернулся быстрее, чем они ожидали. На его лице не было ни удовлетворения, ни нервозности. Была ритуальная непроницаемость, как у гонца, везущего печать на смертный приговор.

– Совет примет. Сейчас. Идите за мной. Не смотрите на стражей. Не дышите на узор.

Он повёл их по низкому, сырому проходу, стены которого были не вырублены, а сформированы. Камень здесь тёк волнами, застывая в спиральных и линиях. Воздух был сухим, статичным, пахнувшим пылью и окаменевшим ладаном. Тишина была не отсутствием звука, а его обратной стороной – густым, вязким веществом.

На перекрёстках стояли стражи в серых балахонах. Из складок ткани доносилось мерное, синхронное жужжание. Они не двигались, но отмечали их проход сменой тона гула – с низкого на предостерегающе-высокий.

Их привели в геометрическую аномалию. Не пещеру. Идеальный семигранник.

Стены, пол, потолок – отполированы до зеркала, инкрустированы жилами холодного бирюзового камня. Светившегося изнутри. Жилы пульсировали. Медленный, тяжёлый ритм. Сердце спящего гиганта.

Звук искажался. Шёпот у входа становился гулом у стены. Собственное дыхание возвращалось со стороны – чужим.

Вдоль трёх граней сидели Старейшины. Они не сидели на камнях. Они росли из спиралей спрессованной глины и кристаллических отложений, сливаясь с ними в единые искривлённые формации.

Кан, Центральный. Вывороченный бурей корень древнего дерева. Обугленный. Глаза закрыты, но под тонкой кожей век – движение. Будто кто-то перебирал тёмные камешки.

Май, Правая. Лицо – не морщины, а русла высохших рек на карте безумия. По каналам струился бирюзовый свет. Вспыхивал в такт беззвучным словам. Она не смотрела – она сканировала, её взгляд был физическим давлением на коже.

Ток, Левый, казался самым человечным, пока не замечалось, что чешуйчатые наросты на его руках и шее не болезнь, а инкрустация. Мелкие, идеальные кристаллы, медленно поглощающие плоть. Его пальцы, покрытые ими, перебирали чётки из спрессованного угля.

Чон, низко склонившись, отступил в тень и замер, став частью декорации.

Звук пришёл не из ртов. Материализовался в центре семигранника. Голос Кана, ровный, без вибраций. Как запись на пластинку из льда.

– Подойди. Носитель Тишины-Между-Слоями. Позволь взвесить звук твоего происхождения.

Сыхён сделал несколько шагов вперёд. Его собственная гордыня, встретив эту организованную, чуждую эстетику власти, не сжалась – заострилась. Здесь был порядок. Искажённый, но порядок. А любую систему можно понять, вычислить её слабое место и нанести удар. Его разум перешёл в режим слияния и поглощения: он был не просителем, а инвестором, пришедшим в совет директоров умирающей, но амбициозной компании.

– Нам сообщили о разрыве в узоре, – голос Май прозвучал уже из стен, отражённый и умноженный. Свет в её «руслах» вспыхнул ярче. – Ты пришёл из места без Неба и без Глубины. Из места, где падение остановилось. Опустит Пелену. Позволь нам увидеть структуру этой остановки.

Это был не запрос на историю. Это был запрос на принцип. Сыхён начал говорить. Но не так, как с Лирой или Чоном. Он говорил языком презентации для венчурных фондов. Сухо, технично, без эмоций, выстраивая идеальную модель.

Он описывал свой мир как замкнутую экосистему эффективности. Небоскрёбы – это автономные биосферы, отринувшие ненадёжную землю. Деньги – универсальный закон тяготения, предсказуемый и подконтрольный. Информация – основной ресурс, пища и оружие. Боль, природа, хаос чувств – устаревший код, удалённый за ненадобностью. Он преподносил мир Гордыни не как грех, а как логичный, высший этап эволюции разума, где всё подчинено оптимизации. Где слабость была системной ошибкой. Где вертикаль была не падением, а осознанным архитектурным решением.

Старейшины слушали. Неподвижно. Но пульсация света в стенах участилась. Камень под ногами Сыхёна чуть потеплел. Они не слышали слова – они вкушали структуру его мысли, её чужеродную кристаллическую геометрию.

Тишина после его слов была густой и тяжелой, как расплавленный металл, заливающий уши. Первым нарушил её Центральный, Кан. Под кожей его век закатились чёрные шары.

– Ты принёс с собой не только тишину между слоями. Ты принёс вихрь. И он уже крушит устоявшиеся тропы.

Он открыл глаза. Пустые, матовые, как обсидиановые зеркала, они отразили не Сыхёна, а Лиру, стоявшую позади.

– Проводница. Её шаг совпадает с ритмом пластов. Твой шаг... глух. Он бьёт в такт иному сердцу. Два разных ритма в одной связке – это разрыв. – Голос Кана стал тише, но каждое слово вбивалось в сознание, как гвоздь. – Мы видим нити. Её нить – из памяти камня. Твоя – чужая, колючая. Они спутались. В «Глотке», где слушают только один голос, одна порвётся. Мы знаем, чья.

Май, женщина-река, заговорила, и свет в её «руслах» вспыхнул тревожным, частым мельканием:

– Если «Глотка» услышит твой чужой ритм... её голос умолкнет навсегда. Её тропа зарастёт. А тропы у нас на счету. Каждая.

– Значит, не пустите, – хрипло сказал Сыхён.

– Мы дадим путь, – проскрежетал Ток, и кристаллы на его шее звякнули, как костяшки счётов. – Но путь требует платы. Ты внёс в нашу песнь чужую ноту. Это создаёт диссонанс. Проводница... её судьба теперь переплетена с твоей нотой. Она стала уязвимым звеном. Мы не можем позволить, чтобы наша гармония была нарушена.

Кан завершил, и его слова падали в тишину, как камни в колодец:

– Иди вниз. Верни свой блестящий камень. Но знай: если твоя чужая нота порвёт её нить... мы восстановим баланс. Мы растворим её память в камне. Её тело отдадим пластам. Имя – ветру в «Глотке». Узор будет распущен, а нити – вплетены вновь. Не наказание. Санитарная обрезка. Чтобы гниль не пошла дальше.

Свет в семиграннике приглушился, оставив только медленную пульсацию жил в стенах – зловещий, размеренный пульс самого места, которое только что вынесло приговор.

– И что я получу, кроме прохода? – спросил Сыхён, глядя прямо в матовые глаза Кана. Внутри всё застыло. Теперь это был просто торг.

– Шанс, – ответил Кан. – Шанс доказать, что твоя чужая нота может не порвать, а... усилить аккорд. Если ты вернёшься с артефактом и согласишься стать нашим слушателем, проводница может быть переведена из залога в резерв. Её нить будет рассматриваться отдельно.

– Снаряжение, – сказал Сыхён, отсекая все эмоции. – И гарантия её безопасности до момента, пока мы не достигнем артефакта.

– Снаряжение будет. Безопасность – условна, – парировала Май, и её голос теперь звучал из самого камня под его ногами. – Мы уберём «Железные Когти» с верхних троп. Но «Глотка» и Глубина – вне зоны нашего голоса. Риски там – ваши. Это условие молчаливого договора, который ты принял, продолжив стоять здесь.

Они всё просчитали. Всё предугадали.

– Договорились, – сказал Сыхён. Внутри была выжженная тишина, где раньше гудели планы. Полная тишина выжженной пустыни.

Старейшины обменялись взглядами – не глазами, а синхронными вспышками в узорах на стенах. Беззвучный диалог длился несколько секунд.

– Тогда иди, – прошипел Ток. – Готовьтесь. Снаряжение будет доставлено в логово проводницы к закату. Помни о балансе. – Он поднял руку, и кристаллы на его пальцах отразили последнюю ледяную вспышку. – Каждая жизнь здесь – часть общего рисунка. Убедись, что твоё движение не сотрёт её с камня навсегда.

Когда они с Лирой вышли из семигранника и прошли обратно по кошмарному коридору, она наконец заговорила, не глядя на него:

– Ты только что вписал нас в их узор. Они не убьют. Они растворят. Как песок в воде.

– Мы не дадим им этого сделать, – ответил он, но это звучало как ритуал, а не как уверенность.

– Мы? – она горько усмехнулась. – Ты продал им историю, где я – слабая струна. Теперь моя жизнь – это долг под чудовищные проценты. – Она остановилась и посмотрела на него. В её глазах не было страха. Было страшное понимание. – Если ты сбежишь, они сотрут меня. Если ты вернёшься, они вплетут нас в свой узор навсегда. Мы станем частью их каменного сна.

Они получили ресурсы, но потеряли свободу воли. Отныне каждый их шаг был нотой в древней, безжалостной мелодии, за которой следили слепые, но зрячие дирижёры каменного ада.

Часть 3: Мировая игра

Тусклый свет светильника выхватывал из темноты их логово – ту самую пещеру проводницы, где всё началось. Воздух теперь был густ не от запаха плесени, а от недвижимого осадка угрозы, принесённого из зеркального семигранника Старейшин. Снахёл разложил перед Лирой снаряжение, полученное через Чона: верёвки из жил, чёрные крючья, жалкие светильники. Разложил как доказательство – их путь куплен.

– Совет дал разрешение, – голос его был ровен, как линия горизонта на графике. – Но их «разрешение» – это контракт с пунктом о ликвидации актива в случае неисполнения. Ты – этот актив, Лира. Твой долг перед ними теперь – мой долг. Если Пульт не будет доставлен им для изучения, твою нить в узоре распустят. Твоё тело отдадут камню. Они называют это «санитарной обрезкой».

Лира сидела, обхватив колени. Её пальцы впились в кожу голеней так, что побелели костяшки. Она знала, что условия будут чудовищными, но слышать это как бухгалтерский отчёт было хуже.

– Значит, я уже не проводник, – тихо сказала она. – Я заложник в твоём спуске.

– Ты – гарантия, – поправил Сыхён, безжалостно точный. – И единственная причина, по которой они вообще рассматривают мой запрос как «интерес», а не как «разрыв», который нужно немедленно зашить. Пока мы движемся вниз, мы – эксперимент. А живой эксперимент здесь ценится выше трупа.

Он взял крюк, ощутил его неестественную тяжесть.

– Нам нужен не просто путь. Нам нужен прорыв. Твой учитель говорил о... прямых спусках? О путях, которые не вписаны в общий узор?

Лира вздрогнула. Упоминание Тэсока, чьё знание стоило ему жизни, всегда било в самое нутро. – Говорил. И запрещал. «Глотка», «Спираль»... «Игла». Это не тропы. Это симптомы болезни мира. Туда попадает то, что он решил переварить или отторгнуть.

– «Игла», – повторил Сыхён, и в его глазах вспыхнул тот самый холодный огонь, который она видела у карты в первый раз. – Почему?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.